

Сергею Аверинцеву — 60 лет

Русская мысль — 1998. — 8-14 янв. — с. 16

Каждая работа Сергея Аверинцева, начиная с переводов греческих и латинских писателей и поэтов, в особенности церковных (они были опубликованы в четырех томах "Памятников" византийской и латинской средневековых литератур, выпущенных Институтом мировой литературы на рубеже 70-х и 80-х годов), всегда оказывалась событием, причем не только в академической науке, но и в реальной жизни самых разных людей.

В 1970 году, когда на Воробьевых горах был построен новый гуманитарный корпус Московского университета, Аверинцев начал читать там лекции, на которые собирались сотни, если не тысячи, москвичей. Аудитория, рассчитанная на 150 человек, вмещала непонятно сколько людей — многие сидели на подоконниках, стояли в проходах, хотя каждая лекция продолжалась по три-четыре часа.

Считалось, что Сергей Сергеевич говорил о византийской эстетике (так, кажется, официально назывался его курс), однако на самом деле слушателям он давал безмерно больше, чем просто информацию о взглядах средневековых греческих авторов; именно там — в зале на Воробьевых горах, на редкость безобразном с точки зрения эстетики, — люди открывали для себя эстетически абсолютно но-

вый мир. В жизни гуманитарной Москвы начала 70-х годов эти лекции были одним из главных событий.

С того времени прошло почти 30 лет. Аверинцев защитил докторскую диссертацию, был избран членом-корреспондентом РАН, а затем — депутатом первого Съезда народных депутатов; выпустил в свет несколько книг и сотни статей, стал много глубже и мудрее, но не изменил той дороге, тому направлению, которое избрал в ранней юности. Слушая 5 января 1998 года доклад Аверинцева на заседании редколлегии "Вестника древней истории" — журнала, с которым и он, и я начали сотрудничать четверть века тому назад, — я видел того самого человека, что читал свои лекции в Университете в 1970-м, только они — невероятно интересные — были много более тривиальными, чем то, что он говорил сегодня.

В отличие от Михаила Гаспарова с его безупречной логикой и жесткой структурой каждой статьи, Аверинцев всегда увязает в анализе какой-то одной вспомнившейся ему фразы или даже одного словосочетания, долго размышляет над ним, и в какой-то момент у слушателя или у читателя возникает впечатление, что автор говорит совсем не на тему; но потом вдруг оказывается, что именно

этот анализ был абсолютно необходим, — от частного он переходит к общему и с какой-то детской простотой касается самой сути вопроса, которому посвятил свои сегодняшние размышления. Выводов он делать не любит и предоставляет это своему читателю, свободу которого Аверинцев по-настоящему ценит. Это одна из главных черт его личности.

Едва ли не первым среди московских ученых и вообще среди российской интеллигенции, Аверинцев (когда это было знаком чуть ли не душевного расстройства и к тому же просто опасно) стал исповедовать свою веру. Он делал это, пользуясь выражением Данте, *per paura chiuso* (то есть не тайно), но и не считал нужным демонстративно подчеркивать свою религиозность. Не таись, очень тихо и без какой бы то ни было позы он бывал на службах в московских храмах — не только на отпеваниях, но просто на воскресной обедне. Для Аверинцева вера во Христа — не только факт его частной жизни; никогда не декларируемая, эта вера пронизывает все его научное творчество.

Выросший в старой московской семье (отец его был университетским профессором-зоологом), он с детства впитал в себя культуру XIX века и словно стал сам ее частью; право-

славный христианин и знаток латыни и древнегреческого, человек, которому святыне Отцы известны не понаслышке, а в о р и г и н а л е. Многими Аверинцев воспринимается как современник не наш, а Златоуста или блаженного Августина, как средневековый книжник, ничего общего не имеющий с современностью. Однако на самом деле из сегодняшнего дня он никуда не убежал и убежать не собирается. Кажущийся робким и застенчивым, он наделен какой-то особой смелостью, которая бывает присуща только очень слабым физически и психологически незащищенным людям (вероятно, таким был любимый им Осип Мандельштам).

Аверинцев бесстрашно и, мне кажется, не думая о последствиях, открывал для читателя в СССР новые и "нежелательные" имена — Вячеслава Иванова, о. Павла Флоренского, о. Сергия Булгакова и других, а также новые темы. Очень многих он — быть может, и не догадываясь об этом — привел к вере в Бога, ибо для людей сам

Фото И. Свиридова.

факт того, что "Аверинцев ходит в церковь", был почти доказательством бытия Божия. Именно ему обязана Россия Шестопсалмием на русском языке, которое тысячам верующих людей помогло почувствовать себя в храме во время утрени действительно предстоящими Богу и понять, до какой степени прав тот византийский писатель, который некогда назвал Шестопсалмие плачем души.

Аверинцев был свободен тогда, во времена "железного занавеса". Свободным он остается и теперь.

Свящ. ГЕОРГИЙ ЧИСТЯКОВ

Москва 1998